

18+

Танюша Логинова

ЗАГС ТЕМНЫХ СИЛ

Танюша Логинова

ЗАГС темных сил

<https://litres.ru/74291787>

ISBN 9785007081412

Аннотация

В мире, где гремлины потрошат технику, а русалка ведет психологические консультации, он — всего лишь менеджер по продажам. Но он способен продать что угодно. Даже невозможное. Его главные враги — адская бюрократия, начальница-демон и плохой кофе. Его оружие — наглость и виртуозное владение техниками работы с возражениями. Когда вскрывается заговор, грозящий гибелью всему человечеству, перед ним встает выбор, который не предусмотрен ни одним скриптом продаж: рискнуть всем, чтобы спасти мир.

Содержание

Глава 1. Развод по-московски	5
Глава 2. Комната 666	15
Глава 3. Брачное задание №1	24
Глава 4. Первая победа	36
Глава 5. Дело мести	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ЗАГС темных сил

Танюша Логинова

© Танюша Логинова, 2026

ISBN 978-5-0070-8141-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Развод по-московски

Дмитровское шоссе в субботу в два часа дня — это не дорога. Это испытание на прочность психики, подвески и веры в человечество. Артем Соболев сидел в своем сером «Солярисе», зажатый между маршруткой, из динамиков которой неслось «Я тебя не отдам никому», и тонированным «Порше», который сигналил ему за то, что он не проехал на красный.

— Алё, Насть, ты где? Молчишь? Ну, логично. — пробормотал он, в сотый раз тыкая в контакт «Настя (б.ж.)». Гудки шли, но телефон никто не брал.

Он и сам не знал, зачем звонит. Хотел сказать, что уже выехал? Что пробки, но он будет? Что все еще надеется, что она передумает и они просто... поговорят? Глупо. Настя не из тех, кто передумывает. Она из тех, кто составляет список «плюсов и минусов» отношений в Excel, а потом присылает его на почту с пометкой «Важно. Прочитать до конца рабочего дня».

Они расстались три месяца назад. Ирония в том, что он даже не помнил, из-за чего именно начался тот скандал. Кажется, она хотела поехать в Суздаль на их третью годовщину, а он... он просто взял лишний проект. Клиентка — женщина, которая меняла требования каждые два часа, а в пять вечера в пятницу решила, что «все не так» и договор подпи-

сывать не будет. Артем тогда подумал: «Ну, Настя поймёт. Мы же взрослые люди. Перенесём на выходные». Стандартная сделка, подвинуть дедлайн.

Настя не поняла. Настя собрала чемодан и уехала к маме, оставив на холодильнике стикер: «Ты женился на работе. Живи с ней».

Сейчас он ехал в Дмитровский ЗАГС, чтобы этот брак официально расторгнуть. В салоне пахло кофе из термокружки и той самой усталостью, которая бывает, когда спишь по четыре часа, но продолжаешь что-то доказывать. Себе. Миру. Насте, которая не отвечает.

В потоке машин его повело.

Не в прямом смысле, а в переносном. На секунду показалось, что солнце слишком ярко бьет в лобовое стекло, и он прикрыл глаза, и...

...Темнота. Резкий рывок ремня безопасности, врезающегося в грудь. Звук, похожий на то, как если бы гигантскую жестянку смяли в гармошку. Мир переворачивается, и последняя мысль перед тем, как сознание гаснет: «Как же я устал».

Артем тряхнул головой, отгоняя наваждение. Шрам на виске противно заныл, напоминая о той встрече с бетонным столбом, но «Солярис» всё так же мирно стоял в пробке.

Та авария случилась через две недели после их разрыва. Он возвращался из командировки в Рязань, клиент подписал контракт на три миллиона, и Артем чувствовал себя королем

мира. Выпил для храбрости литр энергетика, закинулся таблеткой от головы, включил подкаст про «продажи без манипуляций» и поехал. Уснул он, кажется, на шестьдесят восьмом километре. Очнулся в реанимации. Две недели он провёл между жизнью и чем-то, что врачи называли «стойкое улучшение состояния». Позже, когда его выписали, какой-то странный тип в сером костюме уже ждал его у выхода. Протянул визитку: «Вы нам должны. Придете — узнаете». Артем тогда подумал — бред, последствия черепно-мозговой. Визитку выбросил. Навигатор приятным женским голосом вывел его из пробки и повел по какой-то узкой улочке между старыми пятиэтажками. Артем нахмурился. Он ожидал увидеть классический ЗАГС — белые колонны, ступеньки, невест в лимузинах. Асфальт кончился, сменившись булыжником, который «Солярис» переваривал с жалобным скрипом подвески.

— Вы прибыли, — сообщил навигатор.

Артем уставился на здание.

Это была серая, мрачная постройка, больше похожая на бывшее бомбоубежище, чем на место, где регистрируют браки. Окна — узкие, под самым потолком, забраны решеткой. Кованая дверь, массивная, с каким-то непонятным символом в виде перевернутого треугольника. Над дверью висела табличка, которая, как показалось Артему, светилась тусклым, неприятным светом: «Бюро Регулирования Межмировых Связей. Отдел ЗАГС ТС. Вход строго по записи».

— Это какая-то шутка, — вслух сказал Артем, открывая дверь. Он подумал, что навигатор глюканул, завел его в какой-то технопарк или госучреждение, которое к его разводу отношения не имеет. Но сзади уже подпирала другая машина, разворачиваться было негде, а Настя все равно не отвечала.

Он толкнул тяжелую дверь, ожидая сопротивления, но та подалась бесшумно и легко, будто только и ждала, когда он сделает этот шаг. Сзади, за его спиной, раздался тихий щелчок — дверь захлопнулась, и ручка с той стороны бесследно исчезла.

Внутри было прохладно, пахло озоном, старой бумагой и... серой? В полумраке приемной стояла очередь.

Артем присмотрелся.

Тетенька в пуховом платке держала под мышкой... веник? Нет, метлу. Настоящую метлу, с длинным черенком. Мужик в спортивном костюме и кепке-«адидас» переминался с ноги на ногу, и каждый раз, когда он наступал на левую, из-под кроссовка вырывался маленький язычок пламени. Девушка с идеальной укладкой листала глянцевого журнал, и у нее из-под юбки виднелся длинный хвост с кисточкой на конце.

Артем моргнул.

Ничего не изменилось. Мужик в кепке продолжал подпалить линолеум. Девушка перелистнула страницу, и хвост лениво качнулся.

«Стресс, — подумал Артем. — После аварии все еще бы-

вают глюки. Врач говорил, пройдет».

Он шагнул к стойке регистрации, за которой сидела девушка. Обычная девушка. Симпатичная. С тремя глазами.

Третий глаз был фиолетовым и смотрел немного в сторону, как будто его больше интересовал коридор, чем Артем.

— Соболев? — спросила девушка, не поднимая головы. Два ее глаза изучали экран компьютера, третий гипнотизировал пожарный извещатель на потолке.

— Э... да. Но я, наверное, ошибся дверью. Мне нужен ЗАГС. Подать заявление на развод.

— Развод — это к нам тоже, — девушка подняла два глаза. Третий остался на извещателе. — Но позже. Сначала трудоустройство. Вы опоздали на десять минут.

— Какое трудоустройство? Я менеджер по продажам. В рекламном агентстве. У меня есть работа.

— Была, — поправила его девушка. Она щелкнула мышкой, и из принтера вылез лист бумаги. — После клинической смерти ваше предыдущее трудовое соглашение аннулировано. Статья 14, пункт 3: «Смерть сотрудника является основанием для расторжения договора без выходного пособия».

— Я не умирал.

— Четыре минуты, — девушка ткнула пальцем в лист. — Зафиксировано. Реанимационные мероприятия. Клиническая смерть. Потом воскрешение. По нашим данным, вы теперь относитесь к категории «ни то, ни сё». Люди вас не примут обратно, нечисть пока не готова. Единственный ва-

риант — госслужба.

Артем открыл рот, чтобы возразить. И тут увидел табличку.

Над головой девушки.

Она висела в воздухе, как проекция, и на ней было написано:

«Сотрудник III разряда. Фиксированная ставка. Премия за перевыполнение плана. Стаж: 147 лет».

— У вас... — Артем сглотнул. — У вас три глаза.

— А у вас два, — парировала девушка без тени улыбки. — И что с того?

— И вы... вы работаете здесь 147 лет?

— Пять из них — в этой должности. До этого была в отделе по борьбе с ведьмами. Но там нервно. Знаете, сколько сейчас ведьм, которые думают, что они блогеры? Каждую вторую проверяй.

Она протянула ему лист. Артем посмотрел на бумагу. Верхний колонтитул гласил: «Бюро Регулирования Межмировых Связей. Отдел кадров. Акт о приеме на службу (добровольно-принудительный)».

— Я не подпишу этот договор, — сказал Артем.

— Уже подписали.

Она перевернула лист. В самом низу, в графе «подпись сотрудника» стоял его собственный росчерк. Но буквы были перевернуты. Словно он писал левой рукой в зеркале.

— Это не моя подпись.

— Ваша. Но вы ставили ее, когда были мертвы. Четыре минуты считаются. По законам межмирового права, человек в состоянии клинической смерти сохраняет дееспособность.

— Я был в коме!

— Это не освобождает от ответственности.

Артем уставился на подпись. Почерк был его. Та же закрючка в конце, тот же нажим. Но буквы... буквы смотрели не туда.

— Послушайте, — он попытался взять себя в руки и включить режим «работа с возражениями». — Я ценю ваше предложение. Очень. Но у меня действительно есть работа. Я взял отгул всего на один день. Если я не вернусь, мне вычтут из премии.

— Ваш бывший работодатель уже получил уведомление, — девушка с тремя глазами нажала кнопку на телефоне. — Согласно Акту о стабилизации эфира, смерть сотрудника является уважительной причиной для расторжения договора без отработки двух недель. Вам ничего не должны.

— Но я воскрес!

— Это не предусмотрено трудовым кодексом.

Артем почувствовал, как реальность начинает трещать по швам. Он хотел развестись. Он хотел спокойно сесть в машину, доехать до офиса, допить остывший кофе и сделать вид, что этот день не случился. Вместо этого он стоял в очереди из людей с метлами и горящими кроссовками, разговаривал с трехглазой секретаршей и смотрел на свою подпись

вверх ногами.

— Я ухожу, — сказал он.

— Уйдите, — кивнула девушка. — Но сначала пройдите в лифт. Шестой этаж, комната 666.

— Это номер кабинета?

— Это номер вашего отдела. ЗАГС Темных Сил.

— Я не пойду в отдел с номером 666.

— Это не обсуждается.

Артем развернулся к выходу. Шагнул к двери. Но дверь, которая минуту назад была открыта, теперь закрылась и, судя по звуку, защелкнулась на три замка.

— Лифт в конце коридора, — сказала девушка ему в спину. — Вас ждут.

Он стоял и смотрел на дверь. Ручка не поддавалась. Он толкнул плечом — ноль эмоций. Он попробовал дернуть — дверь даже не дрогнула.

— Там с той стороны нет ручки, — лениво заметил кто-то из очереди. — Только с этой. Так что обратно не выйдет.

Артем обернулся. Мужик в кепке-«адидас» сочувственно покачал головой. Из-под его кроссовки вырвался особенно яркий язычок пламени и подпалил край урны.

— А вы, собственно, кто? — спросил Артем.

— Домовой я. Седьмого разряда. — Мужик протянул руку. Ладонь была теплой, как батарея зимой. — Кузьмич. Тридцать лет на одном объекте, пока хозяева ипотеку не взяли. Переехали в Одинцово, в элитку. А там для домовых

условий нет. Вот и пришел на перераспределение.

— Перераспределение?

— Ну да. Квартирный вопрос. Вы ж, говорят, в ЗАГС ТС идете? Там хорошо. Премии, квоты, корпоративы. Говорят, начальница — огонь. В прямом смысле.

— Я не иду в ЗАГС. Я хочу развестись.

— Так это ж один отдел, — Кузьмич хлопнул его по плечу.

— У них и женят, и разводят. Универсальные специалисты.

Артем посмотрел на лифт. Двери были открыты, и из кабины лился неоновый свет. На кнопках вместо этажей были буквы: А, Д, Р, Ч, С, и только одна кнопка была цифровой — шестерка с тремя хвостиками.

— А если я откажусь от этого предложения? — спросил Артем.

— Ну, — Кузьмич почесал затылок, и из-под кепки показалось что-то похожее на рожки. — Тогда оформят как уклонение. А за это у них знаешь что?

— Что?

— Отдел по работе с жалобами граждан. Говорят, оттуда никто не возвращается. Там такие жалобы пишут... — Кузьмич вздрогнул. — Такие жалобы.

Артем посмотрел на лифт. Посмотрел на дверь без ручки. Посмотрел на трехглазую секретаршу, которая уже вернулась к своему компьютеру и набирала что-то, периодически поглядывая на него фиолетовым глазом.

Он зашел в лифт.

Двери закрылись. Лифт не поехал. Вместо этого динамик на потолке ожил, и голос, похожий на запись автоответчика в поликлинике, произнес:

— Добро пожаловать в Бюро Регулирования Межмировых Связей. Шестой этаж. Отдел ЗАГС Темных Сил. Пожалуйста, не кормите сотрудников во время рабочего дня. В случае возникновения пожара следуйте к выходу. Если пожар возник внутри вас, обратитесь к куратору.

Лифт дернулся и пополз вверх, мелодично звеня цепями. Артем прижался спиной к холодной стене и посмотрел на свои руки. Он ждал, что сейчас проснется. Что это все — последствия той аварии, странный сон.

Но лифт ехал на шестой этаж. Талончик с номером 104 холодил карман.

Артем понял, что его жизнь только что разделилась на «до» и «после». И «после» начиналось с комнаты 666.

Глава 2. Комната 666

Лифт открывался медленно, с протяжным скрипом, будто не хотел его выпускать. Домовенок в жилетке остался внутри, проводив Артема взглядом, в котором читалось: «Ну, бывай, мясо. Твое дело — табак».

Шестой этаж встречал запахом. Не обычным офисным — кофе, печатная краска, чей-то дешевый парфюм. Здесь пахло затхлостью, пылью, старой бумагой и чем-то сладковато-гнилостным, как от переспелых фруктов. И еще — едва уловимым холодом, от которого у Артема зачесался шрам на виске, оставшийся после аварии.

Коридор был длинным, с выцветшей плиткой на полу и стенами, покрашенными в цвет «больничный беж». Лампы дневного света мерцали с частотой, от которой начинала болеть голова. Артем прошел мимо нескольких закрытых дверей с табличками: «Отдел регистрации стихийных бедствий», «Сектор учета проклятий», «Лаборатория стабилизации кармы (вход платный)».

Комната 666 находилась в самом конце. Дверь ничем не отличалась от других: такая же унылая, с облупившейся краской, но табличка на ней была новенькая, блестящая, словно ее повесили только сегодня: «Отдел ЗАГС ТС. Начальник отдела — Л. Э. Морозова. Посторонним вход воспрещен. Нарушители будут депортированы».

Артем толкнул дверь.

И замер.

Это был open-space. Самый обычный, насколько вообще может быть обычным open-space в здании, где у секретарши три глаза. Серые столы-кабинки, расставленные правильными рядами. Пластиковые стулья на колесиках. Мониторы — старые, толстые, такие Артем не видел со времен своей первой работы в колл-центре. На стенах — плакаты в рамках. На одном было написано ярко-красным: «ВЫПОЛНИМ КВОТУ ВМЕСТЕ!», на другом: «БРАК — ЭТО СТАБИЛЬНОСТЬ ЭФИРА. СТАБИЛЬНОСТЬ ЭФИРА — ЭТО НАША РАБОТА», на третьем — строгая инфографика: «Как правильно заполнять акт о заключении межмирового союза: 10 шагов к успеху».

Сотрудников было человек двенадцать. Они сидели за столами с видом людей, которые давно забыли, что такое солнце и выходные. Кто-то печатал, глядя в монитор стеклянными глазами. Кто-то перебирал бумаги, шелестя ими с механической монотонностью. Одна сотрудница — с зеленоватой кожей и плавниками вместо ушей — залипла в телефон и листала что-то с видом полнейшей апатии.

Никто не обратил на Артема внимания.

Кроме нее.

В дальнем конце комнаты, за стеклянной перегородкой, сидела женщина. Артем видел ее профиль: острые скулы, высокий пучок, собранный так туго, что, казалось, кожа на лбу

вот-вот лопнет. Черный костюм-двойка, белая блуза, застегнутая на все пуговицы. Она не подняла головы, но Артем точно знал — она его видела. Чувствовал это затылком, спиной, каждой клеткой, которая еще помнила реанимацию и те четыре минуты небытия.

Артем не мог объяснить, что именно его пугало в этой женщине. В ней не было ничего сверхъестественного — просто идеально сидящий костюм, безупречный пучок, ни единого лишнего движения. Но его многолетний опыт общения с самыми разными людьми — от взвинченных клиентов до высокомерных начальников — подсказывал: он имеет дело с кем-то, кто привык одним взглядом заставлять других подчиняться. От нее веяло такой холодной уверенностью, что Артему захотелось сделать шаг назад.

— Живой? — раздался голос сбоку.

Артем дернулся. Рядом с ним стоял мужичок. Маленький, щуплый, в потертом пиджаке, из-под которого торчала клетчатая рубашка. На голове у него была надета кепка-бейсболка, а из-под кепки, Артем готов был поклясться, торчали маленькие рожки. Острые, черные, спрятанные под козырьком, но отбрасывающие странную тень на лицо. Над головой мужичка висело: «Кадровик 3-го ранга. Стаж: 450 лет. Особые приметы: любит упрощать процедуры».

— Я... — начал Артем.

— Проходи, не топчись на пороге, — мужичок схватил его за локоть. Рука была холодной и цепкой. — Опоздал на

пятнадцать минут. Троица Сергеевна уже отметила. Будешь отрабатывать.

— Я не собираюсь здесь работать, — Артем попытался высвободиться. — Мне нужно в ЗАГС. На развод. Это какая-то ошибка.

— Ошибка? — Мужичок остановился посреди open-space и уставился на Артема с искренним недоумением. — Соболев Артем Игоревич, 28 лет, дата рождения — семнадцатое марта, место рождения — Москва, регистрация — временная, — затараторил он, будто читал личное дело. — Образование высшее, МГУ, факультет рекламы и связей с общественностью. Не женат. Детей нет. Клиническая смерть — четырнадцатого мая, двадцать три часа двенадцать минут. Продолжительность — четыре минуты двенадцать секунд.

Артем открыл рот. И закрыл.

— Откуда вы...

— Это моя работа, — кадровик развел руками. — Я, знаешь ли, четыреста пятьдесят лет этим занимаюсь. Небожители, люди, полукровки — все через мои руки прошли. И ты. Две недели назад, кстати.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака планшет. Не iPad, а самый настоящий военный планшет — кусок тонкой фанеры с приклеенным к нему экраном, который светился тусклым синим светом. Кадровик провел пальцем по стеклу, и на нем появился документ. Много текста, печати, какие-то разводы, похожие на кровь, и в самом низу — под-

пись.

Артем пригляделся.

Подпись была его. Ну, почти. Почерк тот же — размашистый, с характерной закорючкой на букве «б». Но буквы... буквы были написаны в другую сторону. Как в зеркальном отражении.

— Это не моя подпись, — сказал Артем, чувствуя, как внутри начинает разрастаться холодная пустота. — Я такие подписи не ставлю.

— Поставил, — кадровик вздохнул с видом учителя, который в сотый раз объясняет очевидное тупому ученику. — Четырнадцатого мая, двадцать три часа двенадцать минут. В момент клинической смерти твоя душа покинула тело и... ну, как бы это помягче... была зарегистрирована в нашей базе. По закону «О межмировой миграции душ», пункт три, параграф семь: «Всякая душа, покинувшая физическое тело и вернувшаяся обратно, автоматически считается государственным служащим Бюро Регулирования Межмировых Связей». А за это, извини, надо отрабатывать.

— Я не подписывал никакой договор, — уперся Артем. — Я не могу подписывать документы, когда я...

— Мертв? — закончил за него кадровик. — Можешь. И подписал. Вот твоя подпись, вот печать, вот свидетельство о регистрации. — Он ткнул пальцем в экран. — Уклонение от службы, кстати, карается аннигиляцией персоны. Полной. То есть тебя просто... не будет. Вообще. Ни в этом мире, ни

в том. Исчезнешь, как пузырек газировки.

Артем уставился на планшет. На свою перевернутую подпись. На печать, которая, кажется, пульсировала в такт его сердцу.

— Это... это бред, — выдавил он. — Вы не можете просто так взять и...

— Можем, — кадровик похлопал его по плечу. — Уже взяли. Твой стол — вон там, в углу. Напротив кикиморы Светы, она добрая, не бойся. Форму получишь в пятницу. Премия — по результатам квартала. Обед — с двенадцати до тринадцати, но если завал, то в любое время, но без отгулов.

— А система мотивации, простите, в чем выражена? — спросил Артем, криво усмехнувшись. — В рублях?

— Рубли — для людей, — хмыкнул кадровик. — А нам — эфирные кристаллы. Концентрированная энергия стабилизированных связей. На них и магию усилить, и жизнь продлить, и на черный рынок сдать, если совсем глупости в голову лезут. Чем больше браков заключишь — тем жирнее кристалл. А чем жирнее кристалл — тем больше у начальства бюджета. Отсюда и нервы Лилии Эдуардовны.

— Я не буду здесь работать, — повторил Артем, но голос уже не звучал уверенно.

В open-space воцарилась тишина.

Артем заметил это не сразу. Сначала просто перестали шуршать бумаги. Потом затих стук клавиш. Потом даже зеленолицая с плавниками оторвалась от телефона и устави-

лась на него с выражением, которое можно было прочесть как «ну, ты и дурак».

А потом стеклянная дверь в дальнем конце комнаты открылась.

Без скрипа. Без звука. Просто перестала быть преградой.

Она вышла из кабинета. Начальница. Та самая, с уровнем угрозы, который невозможно определить.

Вблизи она выглядела еще более... нечеловеческой. Идеальная кожа: ни поры, ни морщинки. Губы сжаты в тонкую линию. Глаза: темные, глубокие, без единого проблеска тепла. Черный костюм сидел на ней так, будто его шили на заказ у портного, который шьет только для висельников. Она была красива. Той болезненной, эфемерной красотой, от которой у нормального человека сводит желудок, а у Артема — почему-то сводит скулы от попытки сглотнуть и не ляпнуть какую-нибудь глупость.

Все сотрудники, как по команде, встали. Даже кадровик выпрямился, хотя до этого сутулился, как старая вешалка.

Она посмотрела на Артема.

Взгляд скользнул по лицу, задержался на шраме на виске, опустился на дешевый пиджак из «Н&М», на стоптанные туфли, на руки, которые он так и не научился прятать, когда нервничал. В этом взгляде было все. Разочарование. Презрение. И какое-то глухое, древнее раздражение, будто она ожидала увидеть хоть что-то стоящее, а увидела мокрую тряпку.

— Соболев? — произнесла она.

Голос оказался низким, с хрипотцой, которая никак не вязалась с идеальным образом. В нем слышался треск льда, который ломается под ногами.

— Да, — сказал Артем. И, сам не зная зачем, добавил: — Артем.

Она не представилась в ответ. Только чуть склонила голову, и свет ламп упал на ее лицо так, что скулы стали похожи на лезвия.

— У тебя ровно одна неделя, чтобы доказать, что ты не бесполезен, — произнесла она, и каждое слово падало на пол, как камень. — Иначе ты отправишься в отдел по работе с жалобами граждан.

Кто-то из сотрудников за соседним столом тихо охнул.

Начальница не обратила внимания. Она смотрела только на Артема.

— Это единственный отдел, — пауза, — где сотрудники уходят на пенсию... в вечность.

Она развернулась на каблуках. Резко, по-военному. И пошла обратно в стеклянный кабинет. Дверь закрылась сама собой, без касания, и Артем отчетливо увидел, как на стекле изнутри выступил иней. Тонкий, узорчатый, будто за окном ударил пятидесятиградусный мороз.

В open-space было тихо.

Кадровик выдохнул, провел рукой по лицу и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ну, Соболев, заходи, обживайся. Неделька пролетит

быстро. — Он покосился на стеклянный кабинет, где начальница уже сидела за столом и что-то писала, не поднимая головы. — Если, конечно, она у тебя не закончится раньше.

Артем стоял посреди орен-спаре, ощущая, как двенадцать пар глаз — любопытных, жалостливых и откровенно злобных — пытаются прожечь в нём дыру размером с форточку в его бывшем кабинете.

Он посмотрел на стеклянный кабинет. На иней, который уже начал сползать по стеклу тонкими прозрачными ручейками. На женщину, которая даже не взглянула в его сторону.

Артем вдруг понял, что угроза — это не она.

Угроза — это то, что он, кажется, только что вляпался во что-то, из чего нет выхода. И у него есть ровно семь дней, чтобы понять как здесь выжить.

Он прошел к свободному столу в углу, сел на скрипучий стул и уставился на монитор. На заставке было написано: «Добро пожаловать в отдел ЗАГС ТС! Ваша карьера начинается сегодня».

— Точно, бред, — сказал Артем вслух, но его никто не поддержал.

Глава 3. Брачное задание №1

Утро понедельника в комнате 666 встречало Артема запахом дешевого кофе и безнадежности. Он сидел за своим столом уже два часа, изучая инструкцию «Как правильно заполнить форму 13-Б/М (брак межвидовой, упрощенная форма)» и чувствовал, как его менеджерский мозг медленно, но верно атрофируется.

В инструкции было сорок три страницы. Сорок три страницы о том, как правильно указать вид жениха («леший, бородатый, крупный» или «леший, бородатый, средний»), как подтвердить отсутствие кровного родства (справка из моратории — обязательно) и какую печать ставить, если невеста — человек, а жених — огненная саламандра (печать «Огнеупорная»).

— Это не работа, — пробормотал Артем, утыкаясь лбом в клавиатуру. — Это бюрократический ад.

— Привыкай, милый, — раздался шёпот слева.

Артем поднял голову. Соседка, кикимора Света, протянула ему кружку с чем-то бурым.

— Кофе? — спросила она, и глаза у неё были такие усталые-усталые.

— А как на вкус?

— Да кто ж его знает... Я уж и не помню, какой он должен быть. Пью — и ладно.

Артем решил не рисковать.

Он как раз собирался спросить, где тут нормальный кофе, когда стеклянная дверь кабинета начальницы открылась.

Лилия Эдуардовна вышла на порог с таким видом, будто искала новую жертву. На этот раз она была в темно-синем костюме, но пучок оставался таким же идеальным, а губы — такими же сжатыми.

— Соболев, — окликнула она. Голос звучал спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась такая же угроза, как в тишине перед обвалом. — Зайди.

Артем поднялся, чувствуя, как двенадцать пар коллег провожают его взглядами. Света у стола напротив сделала страшные глаза и провела пальцем по горлу. Артем не понял: то ли это значило «удачи», то ли «тебе конец».

Кабинет начальницы оказался еще холоднее, чем оренспаре. На столе — ни одной личной вещи. Только компьютер, стопка папок и странный прозрачный шар, внутри которого медленно крутился туман. Артем постарался не смотреть на него слишком долго — вдруг это тест на профпригодность.

Лилия Эдуардовна сидела за столом, сложив руки в замок. Артем заметил, как она чуть заметно постукивает пальцем по столу. Идеально ровный, скупой ритм, который выдавал в ней нетерпение, смешанное с предвкушением. За годы работы он научился считывать такие невербальные сигналы у клиентов перед тяжелыми переговорами. Он решил, что это плохой знак.

— Садись, — она кивнула на стул напротив.

Он сел. Стул оказался ледяным.

— Твоё личное дело, — Лилия взяла со стола папку, не открывая её. — Рекламное агентство «Сделаем красиво». Должность — менеджер по продажам. Достижения — перевыполнение плана три квартала подряд. Увольнение — по собственному желанию.

— Меня уволили, — поправил Артем. — После аварии я вышел на больничный на три недели, а они наняли другого.

— Не имеет значения, — отрезала Лилия. — Существенно другое. Ты умеешь продавать. Здесь это называется «заключать браки». Разница лишь в том, что если ты не продашь, клиент не уйдет к конкуренту. Он останется здесь, и его энергию спишут в утиль. А тебя отправят в отдел жалоб. Это понятно?

— Понял, — Артем кивнул. — Продам или умру.

— Не умрёшь. Будешь вечность слушать жалобы кикимор на протечку в потолке. Выбор за тобой.

Она протянула ему папку. Обычную, картонную, с надписью: «Дело №734/Г. Приоритет: высокий. Категория: смертник».

Артем открыл папку. На первом листе была фотография. Существо на снимке напоминало помесь йоркширского терьера и дворового кота, которого переехала электричка, но он выжил и теперь зол на весь мир. Взъерошенный, с торчащими ушами, маленькими злыми глазками и пастью, в кото-

рой виднелись острые, явно невегетарианские зубы. Подпись под фото гласила: «Гриша. Гремлин. Возраст: 120 лет. Специализация: порча бытовой техники. Семейное положение: холост. Браков в анамнезе: 3 (все провалены)».

— Это жених, — сказала Лилия тоном, не терпящим возражений.

Артем перевел взгляд на следующий лист. Там была другая фотография. Девушка, лет двадцати двух, с идеальной укладкой, накачанными губами и ослепительной улыбкой. Фото было явно из Instagram: она сидела в кафе с чашкой розового латте, рядом — маленькая собачка в свитере. Подпись: «Карина. Человек. Возраст: 22 года. Род деятельности: видеоблогер (просмотры: 15—20 тысяч). Особые приметы: требует «принца на белом коне, но чтобы без токсичности».

Артем поднял глаза на начальницу.

— Вы шутите?

Лицо Лилии осталось непроницаемым.

— Бюро не шутит квотами, Соболев. У Карины за месяц сгорело три единицы техники. Жалоба была направлена в «Стоп-хам», но перенаправлена на наш портал. По закону «О регулировании межмировых конфликтов» мы обязаны отработать обращение.

— То есть она не знает, что обращается в бюро?

— Не знает. Думает, что это служба защиты прав потребителей. — Лилия чуть склонила голову. — Твоя задача — сделать так, чтобы она вышла замуж за Гришу. Добровольно.

Иначе Гришу спишут как «непригодного к квотированию».

— А что значит «спишут»?

— Это значит, что его не станет. Полностью. — Лилия сказала это так же спокойно, как если бы речь шла о списании старого принтера. — Ты понял задание?

— Понял, — Артем закрыл папку. — Но у меня есть вопрос.

— Какой?

— Почему «смертник»?

Лилия посмотрела на него долгим взглядом. На миг Артему показалось, что в ее глазах мелькнуло что-то: то ли жалость, то ли злорадство, то ли и то, и другое одновременно.

— Гриша не говорит на человеческих языках. Только акустические помехи. Карина, согласно последним данным, сменила пятого психотерапевта по критерию «недостаточная экологичность». В случае провала формальности будут опущены. Ты отправишься в отдел жалоб сразу.

Она нажала кнопку на столе. Где-то в орп-спасе прозвучал сигнал, означающий, что аудиенция окончена.

— Свободен.

Артем вышел из кабинета, держа папку в руках. В орп-спасе все сделали вид, что работают, но он чувствовал их взгляды. Кикимора Света посмотрела на папку, и ее лицо вытянулось.

— Гриша? — спросила она шепотом. — Тебе дали Гришу?

— Да, — Артем сел за свой стол. — А что? Он правда такой сложный?

— Слушай, Соболев, — она оглянулась на кабинет начальницы и понизила голос до едва слышного, — я тебе как старшая, по-свойски советую. Беги, милый. Пиши заявление. Вот прямо сейчас, не отходя от стола. Отдел жалоб — оно, конечно, на веки вечные, но там хоть душа в теле будет. А тут...

— Почему?

— Да потому что Гриша — это мясорубка, а не жених! — Света всплеснула руками. — У него ж три попытки было! Первая невеста сбежала, как только он её посудомойку на запчасти разобрал. Через час, говорят, и след простыл. Вторая, царство ей небесное, вообще чуть не сгорела, он у неё зарядку от ноутбука сожрал. А третья... — Света запнулась, приложила ладонь к груди. — Третья, слышь, до сих пор в клинике лечится. Вздрагивает, говорят, как радио зашипит. И всё, конец.

— А сама Карина? — спросил Артем. — Что за клиентка?

— Блогер, — Света скривилась. — Требуется принца, идеальные отношения, чтобы всё было «красиво» и «экологично». А Гриша... ну, ты видел фото. Он даже в своей норе не может порядок навести. А еще он не разговаривает.

— Совсем?

— Вообще. Только звуки. Как старый радиоприемник, который поймал все станции сразу. Шипит, трещит, иногда пи-

щит. Мы вызывали лингвиста из отдела межвидовых коммуникаций. Он сказал, что это даже не язык, а какой-то технический шум. Гриша, видишь ли, слишком долго прожил рядом с советскими холодильниками. Перенял их манеру общения.

Артем посмотрел на папку. На фотографию Гриши. По одному лишь взгляду на это взъерошенное, злое существо Артем уже знал: перед ним типичный «сложный клиент». Человек, который уверен, что его проблема неразрешима, и готов сорвать любую сделку. Артем мысленно прикинул, что такой «клиент» требует не стандартного подхода, а целой спасательной операции.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Пойду знакомиться с клиенткой.

— Ну, бывай, — Света махнула рукой. — Ежели выживешь — приходи, Я тебе, милоч, какао настоящего сварю, не этой бурды. Из личных запасов. Заначка у меня есть.

Красногорск встретил Артема пробками, торговыми центрами и чувством тотальной безликости. Дом Карины находился в новостройке на окраине, среди таких же коробок, которые отличались только цветом фасада и количеством припаркованных во дворе «каршерингов».

Артем поднялся на седьмой этаж, нажал на кнопку звонка. Дверь открылась не сразу. Сначала он услышал музыку — какой-то попсовый трек, который играл на повторе, потом визгливый голос: «Всем привет, с вами Карина! Сегодня

покажу вам, как я переживаю самый сложный период в своей жизни!»

Дверь открылась.

Карина была в розовом халате с надписью «Королева», на лице — маска из огурца, в руках — телефон, направленный прямо на Артема.

— Ой, а вы кто? — спросила она, не опуская телефон. — Вы из службы? Проходите, только снимите обувь, у меня тут стерильно.

Артем разулся и зашел. Квартира оказалась маленькой, но идеально чистой. Везде розовый цвет. Розовые шторы, розовый диван, розовый пуфик, розовый iPhone (точнее, то, что от него осталось — экран треснут, корпус оплавился).

— Вот, смотрите, — Карина подняла телефон и направила его на Артема, явно продолжая съемку. — Это уже третий за месяц! Я просто заряжала его, как обычно, и вдруг — бах! Дым, искры, все дела. Я чуть не умерла от страха, если честно.

— Могу я посмотреть розетку? — спросил Артем, включая профессиональный режим.

— Смотрите, — Карина махнула рукой. — Но там все нормально. Электрики приходили, сказали проводка в порядке. Это какая-то мистика!

Артем осмотрел розетку. Проводка действительно была в порядке. Он достал телефон (свой, обычный, человеческий) и сделал вид, что что-то записывает. На самом деле он думал,

как подступиться к разговору.

«Спин-продажи», — мысленно повторил он технику, которую использовал в агентстве. — «Не продавай товар. Продавай решение проблемы. Сначала выясни реальную боль».

— Карина, — начал он, убирая телефон. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Не как специалист по технике, а как... ну, скажем, консультант по жизненным ситуациям.

Карина опустила телефон. На ее лице (или на том, что было видно из-под маски) появилось недоумение.

— Вы из службы защиты прав потребителей или нет?

— И да, и нет, — Артем улыбнулся своей лучшей улыбкой — той, которая помогла ему продать контекстную рекламу владельцу похоронного бюро. — Мы комплексно подходим к проблемам. Скажите, а почему вы вообще обратились к нам? Только из-за телефонов?

— Ну... — Карина замялась. Она опустилась на розовый диван и поджала ноги. — Вообще, конечно, не только. Это просто последняя капля. Понимаете, я живу одна. У меня есть канал, подписчики, вроде все хорошо. Но... — она вздохнула. — Но вечером прихожу домой, включаю свет, а он то моргает, то гаснет. Телевизор сам переключает каналы. Чайник выключается, не догрев воду. Как будто кто-то издевается.

«Она даже не подозревает, насколько права», — подумал Артем.

— Я устала быть одна, — продолжила Карина, и в ее го-

лосе вдруг прорезалась настоящая, не наигранная боль. — У меня был парень, но он сказал, что я «слишком много внимания требую». А я просто хочу, чтобы кто-то был рядом. Чтобы свет не моргал, чтобы техника работала, чтобы... ну, чтобы меня кто-то слышал, что ли.

Она замолчала и уставилась в пол.

Артем понял: момент настал.

— Карина, — сказал он мягко. — А что, если я скажу вам, что у нас есть программа, которая решает все эти проблемы? Не только с техникой. Со всем.

— Какая программа?

— Это... — Артем сделал паузу, подбирая слова. — Это как служба техподдержки. Но на всю жизнь. И не просто техподдержка. Человек, который всегда будет рядом. Который, да, иногда будет создавать проблемы с техникой, но зато всегда их починит. И он не будет требовать слишком много внимания. Он просто... будет. С вами.

Карина подняла глаза.

— Звучит как муж, который умеет чинить, — сказала она с иронией.

— Ну, да, — Артем кивнул. — Но с гарантией. И знаете что?

— Что?

— Он не будет вам изменять. Это официально подтверждено. Гремнины моногамны. Это у них в природе.

— Гремнины? — Карина нахмурилась. — Вы про ту мульт-

тяшную фигну?

— Нет, — Артем улыбнулся. — Я про конкретного человека. Ну, почти человека. Его зовут Гриша. Он, конечно, не принц на белом коне. Но, Карина, если подумать: белый конь — это же еще одна проблема. За ним надо ухаживать, кормить, убирать. А Гриша... Гриша просто починит вам свет. Навсегда. И телевизор настроит. И телефоны, кстати, тоже. А тот факт, что он иногда ломает технику... ну, это же гарантия занятости. Он всегда будет при деле. Никогда не заскучает и не уйдет искать приключения на стороне.

Карина смотрела на него с выражением, которое Артем видел много раз за годы продаж. Это было то самое «я понимаю, что меня разводят, но мне это, кажется, нравится».

— И где этот ваш Гриша? — спросила она наконец. — Он хотя бы прилично выглядит?

— Он... — Артем замялся. — Он своеобразный. Но я вам честно скажу: он не красавец. Зато у него есть сердце. И оно, кстати, работает на радиочастотах, так что его невозможно разлюбить, он просто перестроит волну.

Карина фыркнула. Потом засмеялась. Потом сняла огулочную маску и посмотрела на Артема серьезно.

— Ладно, — сказала она. — Давайте встретимся с вашим Гришей. Но если он будет токсичным, я сразу уйду. Договорились?

— Договорились, — Артем встал. — Я организую встречу. Вы не пожалеете.

Он уже взялся за дверную ручку, когда Карина окликнула его:

— Слушайте, а вы сами-то кто? Из какой вы компании?

Артем обернулся. На секунду ему захотелось сказать правду. Но он посмотрел на розовую квартиру, на разбитый телефон, на девушку, которая просто хотела, чтобы кто-то был рядом, и решил, что некоторые детали можно опустить.

— Мы из службы, которая делает невозможное возможным, — сказал он. — В хорошем смысле.

Он вышел в подъезд, нажал кнопку вызова лифта и только тогда заметил, что вспотел. Прямо как на сложных переговорах с клиентами. Разница лишь в том, что раньше он продавал контекстную рекламу, а теперь — замужество с гремлином.

— Ну что, Гриша, — сказал он вслух, глядя на папку. — Посмотрим, что ты за фрукт.

Лифт открылся, и Артем шагнул внутрь. Ему предстояло самое сложное — познакомить блогера, которая мечтала о принце, со старомодным гремлином, который разговаривал шипением радио и, судя по фото, не мылся как минимум лет пятьдесят.

«Если я это продам, — подумал Артем, — то смогу продать что угодно. Даже рекламу на кладбище».

Он вышел на улицу, сел в «Солярис» и поехал обратно в бюро. Предстояла подготовка к самому странному свиданию в его жизни.

Глава 4. Первая победа

Свидание было назначено на семь вечера в квартире Карины. Артем потратил три часа, чтобы подготовить Гришу. Три часа ада, которые он запомнит надолго.

Началось с того, что он заехал в «нору» Гриши — заброшенный подвал на окраине Мытищ, где пахло озоном, горелой проводкой и чем-то кислым, напоминающим квашеную капусту, которую оставили на батарее на пару месяцев. Гриша встретил его у порога. Вживую он выглядел еще хуже, чем на фото: маленький, сутулый, с торчащими в разные стороны ушами и редкими волосами, которые росли клочьями, будто газон, переживший засуху. Одет он был в засаленный свитер с надписью «Я люблю NY», который когда-то был белым, а теперь напоминал тряпку для вытирания масла в автосервисе.

— Гриша, — сказал Артем, стараясь говорить спокойно. — У нас презентация для клиента. Ты — товар. Веди себя прилично.

Гриша посмотрел на него маленькими блестящими глазками и издал звук. Артем не был уверен, но ему показалось, что это что-то вроде «ур-р-р-фыр-р-р». Звук напоминал помехи старого радио, когда пытаешься поймать волну между станциями.

— Я не понял, — признался Артем. — Это «да» или

«нет»?

Гриша издал еще один звук. На этот раз более настойчивый, с явным шипением в конце.

Артем вздохнул и полез в сумку. Он предусмотрительно захватил с собой костюм, который ему выдали в отделе. Серый, классический, купленный на премиальные деньги (как объяснила кикимора Света, «премиальные» здесь — это три тысячи рублей и бутылка портвейна, но на костюм хватило). Он протянул костюм Грише.

— Надевай. У нас сорок минут, чтобы привести тебя в порядок.

Следующие полтора часа Артем пытался засунуть гремлина в пиджак, завязать ему галстук и хотя бы причесать. Гриша сопротивлялся с упорством, достойным лучшего применения. Он вырывался, издавал звуки, похожие на треск короткого замыкания, и дважды пытался разобрать фен, которым Артем пытался уложить его волосы.

— Гриша! — рявкнул Артем наконец, когда гремлин цапнул его за палец. — Если ты не пойдешь на это свидание, тебя спишут! Ты понимаешь, что это значит? Тебя не будет! Вообще!

Гриша замер. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на испуг. Он опустил голову, издал тихий, жалобный звук — что-то вроде «ур-р-р-у-у», — и позволил Артему закончить.

К семи часам Гриша был готов. В костюме он выглядел... ну, по крайней мере, лучше, чем в свитере. Хотя волосы все

равно торчали в разные стороны, а галстук он успел перекрутить так, что узел оказался на спине.

— Ладно, — сказал Артем, отступая на шаг. — Сойдет. Поехали.

Они доехали до Красногорска к половине восьмого. Артем потратил еще десять минут, чтобы объяснить Грише правила поведения: «Не трогай технику», «Не ломай ничего», «Не издавай громких звуков», «Улыбайся». Гриша кивал, но Артем был почти уверен, что тот не понял ни слова.

Они поднялись на седьмой этаж. Артем нажал на звонок. Дверь открылась.

Карина была в коротком красном платье, с идеальной укладкой и макияжем, который, судя по всему, занял у нее часа три. Она посмотрела на Артема, потом перевела взгляд на Гришу.

На лице ее отразилась целая гамма чувств: надежда, удивление, разочарование, страх, снова надежда и, наконец, вежливое, натянутое любопытство.

— Это... Гриша? — спросила она.

— Да, — Артем подтолкнул гремлину вперед. — Гриша, это Карина.

Гриша издал звук. На этот раз он прозвучал как «пр-р-р-и-в-р-р-р». Карина непонимающе моргнула.

— Он говорит, что рад познакомиться, — быстро перевел Артем. На самом деле он понятия не имел, что сказал Гриша, но надеялся на лучшее.

— Очень приятно, — Карина сделала шаг назад. — Проходите.

Квартира сияла чистотой. Карина явно готовилась: на столе стояли свечи, лежали фрукты, горел торшер, создавая уютный полумрак. На фоне всего этого великолепия Гриша выглядел как огородное пугало, случайно занесенное во дворец.

Они сели за стол. Карина налила чай. Гриша взял чашку, и Артем внутренне напрягся, ожидая, что та разлетится вдребезги. Но гремлин, к его удивлению, держал чашку аккуратно, даже бережно.

Первые десять минут прошли на удивление гладко. Карина рассказывала о своем блоге, о том, как сложно быть инфлюенсером в современном мире («конкуренция просто бешеная, вы даже не представляете»), Гриша кивал и издавал короткие звуки, которые Артем интерпретировал как заинтересованность. Артем сидел рядом, чувствуя себя лишним, и молился всем известным ему богам, чтобы ничего не пошло не так.

Но он забыл, что работает в Бюро Регулирования Межмировых Связей, где «не пошло не так» — это исключение, а не правило.

В тот момент, когда Карина протянула руку, чтобы поправить салфетку, Гриша случайно задел локтем торшер. Тот качнулся, провод дернулся, и Артем услышал короткий, резкий щелчок.

Свет погас.

Весь дом. Полностью. Даже уличные фонари за окном моргнули и погасли.

В темноте раздался визг Карины.

— Что это было?!

— Тише, тише, — Артем нащупал телефон и включил фонарик. — Это просто... техническая накладка.

— Он сломал торшер! — Карина вскочила, ее голос дрожал от ярости. — Я же просила! Я просила привести нормального человека, а вы привели какого-то... какого-то...

Она замолчала, потому что в свете фонарика увидела Гришу.

Гремлин сидел на месте, сжавшись в комок, и смотрел на нее огромными, полными ужаса глазами. В его руках была разбитая чашка — та самая, которую он держал так бережно, но когда погас свет, он от неожиданности сжал пальцы, и фарфор рассыпался на мелкие осколки.

Из горла Гриши вырвался звук. Тихий, жалобный, похожий на сбившуюся радиоволну, которая никак не может найти нужную частоту. «Ф-ф-ф-ф-р-р-р-у-у-у». В этом звуке было столько отчаяния, что даже Артему стало не по себе.

Карина замерла. Ее лицо в свете фонарика было бледным, губы сжаты.

— Выведи его, — сказала она ледяным тоном. — Немедленно.

Артем посмотрел на Гришу. Потом на Карину. Потом на

разбитую чашку и темные окна.

И в этот момент в его голове щелкнуло.

Не так, как щелкает проводка, которую только что угробил гремлин. А так, как щелкает в голове продавца, который понимает: стандартная презентация не работает. Нужно менять тактику. Нужно импровизировать.

— Гриша, — сказал Артем спокойно. — Покажи Карине, что ты умеешь.

Гриша поднял голову. В его глазах мелькнуло недоумение.

— Покажи ей что-то полезное, — повторил Артем. — Ты же умеешь чинить. Почини.

Гриша посмотрел на Карину. Та стояла, скрестив руки на груди, с выражением, которое ясно говорило: «Ну, давай, удиви меня, если сможешь».

Гремлин медленно поднялся. Осколки чашки посыпались на пол. Он сделал шаг к стене, где располагался электрощиток, и замер. Потом закрыл глаза.

Артем не сразу понял, что происходит. Сначала он подумал, что Гриша просто стоит в темноте, собираясь с мыслями. Но потом он услышал звук.

Тонкий, едва уловимый, похожий на писк комара. Звук становился все громче, менял тональность, превращаясь в ровное, спокойное гудение. Гриша протянул руку к щитку, не открывая глаз, и провел пальцами по проводам. Его пальцы двигались быстро, уверенно, словно он делал это тысячи раз.

Вспыхнул свет.

Не весь дом — только одна лампочка в прихожей. Но она загорелась ровно, без моргания, и Артем увидел, что Гриша уже переключился на другую задачу. Он подошел к телевизору — старому, еще плазменному, который Карина держала для караоке — и положил ладонь на его корпус.

Телевизор включился. На экране замелькали каналы — быстрее, чем мог бы переключать пульт. Пять, десять, двадцать. Гриша что-то настраивал, и Артем видел, как изображение становится четче, цвета — ярче, звук — чище. Через минуту телевизор показывал не пятьдесят каналов, как раньше, а все двести, и на каждом была идеальная картинка.

Карина открыла рот.

Но Гриша не остановился. Он подошел к ее ноутбуку — розовому, с наклейками в виде единорогов — и на секунду прикоснулся к клавиатуре. Экран засветился, и Артем увидел, как на рабочем столе открываются и закрываются папки, как что-то загружается, восстанавливается, сохраняется.

— Что он делает? — спросила Карина шепотом.

— Смотри, — Артем кивнул на экран.

На ноутбуке открылась папка с видео. Те самые видео, которые Карина удалила месяц назад после ссоры с бывшим парнем. Видео, на которых она смеялась, танцевала, рассказывала о своих мечтах. Гриша восстановил их. Все до единого.

Гремлин отступил от ноутбука, открыл глаза и посмотрел

на Карину. Из его горла вырвался звук — тихий, робкий, похожий на «ур-р-р-ря?». Это было похоже на вопрос. Или на мольбу.

Карина смотрела на экран. На свои видео, которые она считала потерянными навсегда. На телевизор, который показывал в четыре раза больше каналов, чем раньше. На лампочку в прихожей, которая горела ровно, без единого мерцания.

Потом она перевела взгляд на Гришу.

На его костюм, который был на два размера больше. На галстук, завязанный узлом на спине. На торчащие уши и маленькие, испуганные глаза.

— Ты... — начала она и замолчала.

Гриша издал звук. Короткий, тонкий, похожий на «у-у-у». И Карина улыбнулась.

Не той вежливой, натянутой улыбкой, которую она демонстрировала в начале вечера. А настоящей. Теплой. Смущенной.

— Ты совсем не умеешь себя вести, — сказала она, и в голосе ее не было злости. Было что-то другое. Что-то, что Артем не сразу распознал. А потом понял: облегчение. — Но чайник, надеюсь, тоже починишь?

Гриша издал звук. На этот раз он был похож на «ур-р-ря!». Радостный, почти победный.

Артем выдохнул. Он вдруг понял, что все это время сидел, вцепившись в подлокотники кресла, и не дышал.

— Ну что, — сказал он, вставая. — Я, пожалуй, пойду. Вы тут сами разберетесь.

Карина взглянула на него, потом на Гришу.

— Гриша, — спросила она осторожно. — А ты умеешь готовить?

Гриша кивнул. Так энергично, что галстук наконец сполз с его спины и повис на шее как надо.

— Он умеет, — подтвердил Артем, хотя понятия не имел, умеет ли греmlin готовить. Но сейчас это было не важно. — Правда, только то, что не требует сложной техники. Микро-волновку он, скорее всего, ломает.

Карина засмеялась. Коротко, нервно, но искренне.

— Ладно, — сказала она. — Будем готовить на плите. Гриша, поможешь мне разобраться с этим кошмаром?

Гриша издал долгий, довольный звук. «Ур-р-р-ря-я-я». Он подошел к Карине, и Артем заметил, как осторожно, почти невесомо греmlin взял ее за руку. Карина вздрогнула, но не отстранилась.

Артем тихонько вышел в коридор, натянул туфли и прикрыл за собой дверь.

В лифте он прислонился к стене и закрыл глаза. Пот заливал воротник рубашки. Он чувствовал себя так, будто только что закрыл сделку на миллион. Нет, на два миллиона.

«Ур-р-р-ря», — мысленно повторил он, и ему стало смешно.

На следующее утро Артем зашел в комнату 666 с папкой,

в которой лежало подписанное заявление Карины. Согласие на брак. Добровольное. С пометкой «свадьба через две недели, в присутствии куратора».

В орп-спрсе было тихо. Сотрудники смотрели на него с выражением, которое можно было описать только как «шок и недоверие». Кикимора Света открыла рот, закрыла, снова открыла.

— Ты... закрыл дело? — спросила она.

— Закрыл, — Артем положил папку на стол. — Гриша сегодня у Карины. Чинит чайник и смотрит с ней «Дом-2». Кажется, она учит его человеческим эмоциям, а он учит ее не бояться короткого замыкания.

— Это... — Света покачала головой. — Это невозможно. Гришу три раза пытались пристроить. Три!

— А я продажник, — Артем пожал плечами. — Мы продаем невозможное. Это в описании вакансии.

Стеклянная дверь кабинета начальницы открылась. Лилия Эдуардовна стояла на пороге, скрестив руки на груди.

— Отчет на столе через час, — приказала она ровным голосом. — Со всеми подписями и печатями.

— Будет сделано, — Артем кивнул.

Лилия посмотрела на него долгим взглядом. В ее глазах не было тепла — она вообще, кажется, не умела испытывать тепло. Но Артем заметил кое-что другое. Уважение? Нет, не то. Признание? Тоже нет.

Любопытство.

Да, именно любопытство. Как у человека, который привык, что все вокруг предсказуемо и скучно, и вдруг увидел что-то, что не вписывается в привычную картину мира.

— Не расслабляйся, Соболев, — сказала она, разворачиваясь. — Это была легкая разминка.

Дверь кабинета закрылась, и на стекле, как всегда, выступил иней.

Артем сел за свой стол и посмотрел на папку с закрытым делом. На фотографии Гриши и Карины, которые улыбались (Гриша, насколько это вообще возможно для гремлины). На подпись Карины, выведенную розовой ручкой.

«Легкая разминка», — повторил он про себя слова начальницы.

Если дело, которое все называли «смертником», было разминкой, то что же будет дальше?

Он не знал. Но впервые за долгое время ему было не страшно. Ему было интересно.

Глава 5. Дело мести

Утренняя планерка в комнате 666 начиналась ровно в девять. Артем пришел без опоздания, с чашкой нормального кофе, который ему наконец-то сварила кикимора Света из своих личных запасов. Кофе оказался крепким, горьковатым, с привкусом чего-то, что Артем мысленно обозначил как «болотная свежесть», но после вчерашнего ему было все равно.

Он чувствовал себя победителем. Впервые за долгое время — настоящим, без скидок на обстоятельства. Гриша, которого трижды списывали в утиль, нашел пару. Карина, которая требовала принца на белом коне, полюбила гремлина, который разговаривал шипением радио. Артем сделал невозможное. И он ждал, что начальница это оценит.

Как же он ошибался.

Лилия Эдуардовна вышла из кабинета ровно в девять ноль-ноль, как всегда, с идеальным пучком и сжатыми губами. В руках она держала планшет — тот самый, магический, с пульсирующим экраном. Сотрудники подтянулись, расселись по местам, и Артем заметил, что сегодня все выглядят особенно напряженными. Света нервно теребила плавник, упырь Вова, который обычно спал на планерках, сидел с открытыми глазами, а молодой леший в углу даже перестал жевать свой мох.

Лилия остановилась в центре open-space, обвела всех взглядом и задержала его на Артеме.

На ее лице было выражение, которое он не сразу смог прочитать. Не гнев. Не раздражение. Что-то другое, более сложное. Смесь недоумения, разочарования и... да, именно. Разочарование от эффективности подчиненного. Как у тренера, который приготовил для новичка убийственное упражнение, а тот взял и выполнил его с первой попытки, испортив весь план тренировки.

— К итогам, — Лилия провела пальцем по экрану планшета. — Отдел ЗАГС ТС за прошедшую неделю заключил четырнадцать браков. Из них двенадцать — штатные, один — повторный после предыдущего развода, и один... — она сделала паузу, и Артему показалось, что иней на стекле ее кабинета стал чуть толще, — один в категории «смертник».

Она подняла глаза на Артема.

— Соболев.

— Да, — Артем выпрямился.

— Твое дело по громлину Грише закрыто. Невеста Карина подписала все документы. Свадьба назначена на субботу.

— Все верно, — Артем кивнул, чувствуя, как коллеги смотрят на него с уважением и ужасом одновременно.

Лилия посмотрела на него долгим взглядом.

— Поздравляю, — сказала она тоном, в котором поздравления было ровно ноль процентов. — Ты доказал, что не бесполезен. Пока.

— Спасибо, — Артем решил не лезть на рожон.

— Новое дело.

Она снова провела пальцем по планшету, и на экране, который транслировался на стену через древний проектор, появилась папка. На этот раз папка была не картонной, а кожаной, с тиснением в виде чешуи и надписью: «Категория: особо сложное. Возврату не подлежит».

— Русалка, — объявила Лилия, и в комнате стало тихо. Настолько тихо, что Артем услышал, как Вова перестал дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.